

УДК [316.722+373.4]:378.147:811.16

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор
РГУ им. А. Н. Косыгина, Москва, Россия
Экономический университет в г. Братиславе, Словакия
Электронная почта: *elena-m-m@mail.ru*

Markova Elena, Doctor of Philology, Professor
RSU named after A. N. Kosygin, Moscow, Russia
University of Economics in Bratislava, Slovakia
e-mail: *elena-m-m@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА В МЕЖСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Внутренняя форма слова, образуемая признаком, положенным в основу номинации, рассматривается в статье как эксплициатор лингвокультурной информации, фокус национального видения окружающего мира. Указывая на движение мысли в процессе номинации предметов и явлений, внутренняя форма раскрывает особенности познавательной деятельности народа и его специфику в сравнении с другими этносами. В то же время признак, образующий внутреннюю форму слова, возникает в сознании и при воспроизведении лексемы в коммуникативной деятельности человека, что имеет лингводидактическое значение. Сопоставление родственных (русского, чешского, словацкого) языков дает возможность продемонстрировать национально-культурную специфику и лингводидактический потенциал внутренней формы лексических единиц, что имеет особую значимость при изучении русского языка в инославянской аудитории.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, лингвокультурная информация, лингводидактическое значение.

NATIONAL-CULTURAL AND LINGUODIDACTIC VALUE OF THE INTERNAL FORM OF A WORD IN THE INTERSLAVIC LANGUAGE SPACE

The internal form of a word, formed by the feature that forms the basis of nomination, is considered in the article as an explicator of linguocultural information, a focus of the national vision of the surrounding world. Pointing to the movement of thought in the process of nomination of objects and phenomena, the internal form reveals the features of the cognitive activity of the people and its specificity in comparison with other ethnic groups. At the same time, the feature that forms the internal form of a word arises in consciousness and when reproducing a lexeme in human communicative activity, which has linguodidactic significance. Comparison of related languages (Russian, Czech, Slovak) provides an opportunity to demonstrate the national-cultural specificity and linguodidactic potential of the internal form of lexical units, which is of particular importance when studying the Russian language in a Slavic audience.

Key words: the inner form of the word, linguocultural information, linguodidactic value.

Представления человека об окружающем его мире эксплицируются в названиях различных предметов и явлений. Любое наименование имеет лингвокогнитивную основу и построено на ассоциативной связи уже имеющего

языковое выражение наименования с новым объектом номинации. Любая ассоциация имеет образную основу. Человек воспринимает мир образно, мыслит в образах и воспроизводит его в речи также основываясь на определенных образах. Образность первичных наименований заложена в их внутренней форме, анализ которой дает представления о том, какие признаки были положены в основу номинантов, какие свойства явлений действительности оказались существенными для того или иного этноса в процессе номинации. Внутренняя форма слова, по мнению А. А. Потебни, который предложил этот термин для наименования образной основы номинации, является не только словообразовательной основой слова, посредником между означаемым и означающим, но и экспликатором особенностей мировидения народа – носителя данного языка, показывает движение мысли в акте номинации того или иного предмета, и в связи с этим представляет собой ценность в процессе обучения лексике. Особое значение она имеет в овладении лексикой близкородственного языка.

Внутренняя форма лексических единиц представляет собой результат когнитивной деятельности человека, креативной по своей сути, ибо основывается на образности мышления. Являясь «меткой», знаком, символом концепта, внутренняя форма отмечена лингвокультурной спецификой, транслирует особенности той или иной культуры. Именно в этом смысле можно говорить о «внутренней форме языка» как хранителе «народного духа» [Гумбольдт 1985: 418]. Недаром анализ внутренней формы является обязательным этапом выявления способов вербализации того или иного концепта.

Внутренняя форма слова дает возможность понять мотивы, послужившие толчком для словотворчества, выявить основные признаки, положенные в основу наименований отдельных предметов. «Какие именно впечатления лягут в основу образной стороны слова, – это зависит в большей мере от фантазии называющего народа...» [1, с. 55]. Можно сказать, что процесс познания носит «признаковый» характер. Из этого следует, что все предметы и явления окружающего нас мира, получившие языковое выражение, связаны между собой с помощью присущих им признаков. Поэтому апелляция к внутренней форме дает возможность выявить общие закономерности мышления людей, общность и различия в ассоциациях, возникающих у разных народов при номинации одних и тех же явлений и предметов действительности.

Разные, даже родственные, языки обнаруживают своеобразие в концептуализации окружающего мира, обусловленное различиями в опыте носителей языков, а также спецификой их представлений: у представителей разных этносов, разных культур для образного отражения одних и тех же сторон концепта могут возникать разные ассоциации, что и определяет лингвокультурные особенности эквивалентных лексем в разных, даже близкородственных языках.

Сопоставление особенностей мотивации одних и тех же названий в разных языках позволяет увидеть то, на что мы часто не обращаем внимания, – следы языкового творчества народов, специфику его мировидения. Анализ внутрен-

ней формы позволяет вскрыть ассоциации, возникающие в процессе номинации, установить ассоциативную связь предметов и явлений в языке его носителя. К примеру, внутренняя форма рус. *спичка* указывает на ассоциативную связь данного предмета со *спичей*, а чеш. *zápalka* ‘спичка’ – на то, что этот предмет можно *zapálit* ‘зажечь’; рус. *белье* соотносится с признаком *белого цвета*, как и слов. *bielizeň*, а их чешский аналог *prádlo* мотивирован по функции: ‘то, что можно стирать’ – *prát*; в основе рус. *рубашка* также признак действия: ‘то, что *подрублено*’, а внутреннюю форму их соответствий чеш. *košile*, слов. *košeľa* образует лексема *koš* ‘корзина, мешок’ и т. п. (SSČ, SSJ).

В силу сильных пуристических тенденций, свойственных чешскому и словацкому языку, в них больше слов с так называемой «прозрачной» внутренней формой: напр., чеш. слов. *trávník* ‘газон’, чеш., слов. *chodba* ‘коридор’, слов. *líčenie* (от *lice*) ‘макияж’, чеш., слов. *výtah* ‘лифт’, слов. *zaruka* ‘гарантия’, чеш., слов. *letenka* ‘билет на самолёт’, *jizdenka* ‘билет на наземный транспорт’, слов. *letisko*, чеш. *letišťe* ‘аэропорт’ и др. (SSČ, SSJ).

Прозрачную внутреннюю форму, апеллирующую к функциональному признаку, имеют многие лексемы в чешском и словацком языках, образованные по древней словообразовательной модели на *-*dlo*: чеш., слов. *cedidlo* ‘дуршлаг’, *čerpadlo* ‘насос, помпа’, *držadlo* ‘ручка, рукоятка’, *kružidlo* ‘циркуль’, *lepidlo* ‘клей’, *tužidlo* ‘средство для укладки волос (мусс)’, ‘средство для крахмаления белья’, чеш. *chapadlo*, слов. *chápadlo* ‘щупальце, клешня’, чеш., слов. *chodidlo* ‘ступня, стопа’, чеш., слов. *divadlo* ‘театр’ и др. (SSČ, SSJ).

Внутренняя форма слова имеет большую ценность и для обучения лексике иностранного языка. Образ возникает и в процессе восприятия, и в процессе воспроизведения лексемы. Человек воспринимает окружающий мир образно, познает его в образах и соответственно воспроизводит его образами. Данные современных исследований по психолингвистике позволяют утверждать, что «лексемы хранятся в нашей памяти не в виде звуковых комплексов, а в виде образов, составляющих основу внутренних форм значимых единиц» [Воронкова 2010: 108]. С помощью внутренней формы система мышления и система языка осуществляют взаимобратные действия – кодирование и декодирование знания. В этом смысле внутренняя форма слова, основу которых составляет определенный образ, имеет большое лингводидактическое значение.

Как уже было сказано, лексемы номинируют явления действительности или какие-либо его стороны через «схватывание» отдельных признаков, которые становятся актуальными для данного языкового сообщества. В то же время «признак, который послужил стимулом словообразования и составил основу внутренней формы лексемы, вызывает в памяти эту лексему в конкретной ситуации в соответствии с коммуникативным намерением говорящего» [Маркова 2022: 16]. Поэтому образ, вербализованный в лексической единице, имеет значение «не только для кодировки явления действительности, но и для обратного процесса – декодирования знака, соотнесения его с определенным

денотатом, воспроизведения его в речи, т. к. в основе обоих противоположно направленных процессов лежит закон ассоциации» [там же]. Таким образом, выбор того или иного знака номинации в процессе коммуникации также определяется признаком, который изначально положен в основу словообразования языковой единицы, т. е. внутренней формой слова.

Для лингводидактики имеет значение деление лексем на мотивированные и немотивированные с точки зрения «прозрачности», эксплицитности их внутренней формы. «Спецификой изучения русской лексики в инославянской аудитории является то, что немотивированная с точки зрения носителей русского языка внутренняя форма слова оказывается мотивированной с точки зрения иной славянской лингвокультуры» [Маркова 2011: 72], где сохраняются до настоящего времени праславянские лексемы, утраченные русским языком.

Внутренняя форма таких однокоренных русских лексем, как *дюжий* ‘здоровый, крепкий, могучий’, *выдюжить* ‘выдержать, выстоять’, *зanedужить* ‘заболеть’, *недуг* ‘болезнь’, понятна носителям чешского и словацкого языков в силу того, что в них сохранился ее мотиватор *дуг* в качестве компонента фраземы *jít / sloužit (komu) k duhu* ‘идти впрок, на пользу’ (как свидетельство существования в праславянском языке корня *дуж* // *дуг*, от и.-е. **dheugh-* со значением ‘давить’, ‘жать’, ‘попадать в цель’) (ЭССЯ).

Мало кто из обычных носителей современного русского языка связывают слова *окорок*, *каракавица*, *на карачках*, *корячиться* с признаком «нога», положенным в основу этих номинаций. Как известно, в праславянском языке было два номинанта для обозначения нижних конечностей: **noha* и **korkъ*, которое изменилось в русском языке в *корок*, откуда современное *окорок* ‘копчёная часть ноги свиньи’, а *каракавица* и *карачки* изменились в правописании в результате акающего произношения (ЭССЯ). Но в других славянских языках эта лексема сохранилась: напр., чеш. слов. *krok* ‘шаг’, откуда *pokrok* ‘прогресс’, *pokročit* ‘продолжать’ (SSĚ, SSJ), поэтому все приведённые выше русские лексемы для носителей этих языков имеют ясную мотивировку, помогающую их запоминанию.

«Лингводидактическое значение деления внутренней формы на мотивированные и немотивированные заключается в том, что лексемы с мотивированной внутренней формой запоминаются и воспроизводятся легче, а с немотивированной – требуют большей работы, дополнительного этимологического комментирования. Внутренняя форма вызывает к жизни, мотивирует тот образ, который ассоциируется в нашем сознании с конкретной лексемой. Особое значение выявление внутренней форма слова имеет при изучении русского языка как инославянского из-за наличия большого количества общих славянских корней в родном и изучаемом языках, по-разному «рассыпанных» в лексико-фразеологических системах этих языков» [Маркова, Квапил 2021: 196].

В связи с этим представляется целесообразной в учебниках русского языка как инославянского особая, дополнительная по сравнению с существующими

в учебниках РКИ группировка лексики: в соответствии с общностью или различием их внутренней формы и наличием слова-мотиватора в родном языке. Так, утраченное современным русским языком слово *коло* ‘колесо’ известно в других славянских языках с праславянского периода (напр., чеш. *kolo* ‘колесо; велосипед’) и составляет внутреннюю форму таких русских производных лексем, как *колесо*, *кольцо*, *колея*, *около*, *колоб*, *колобок*, *калач*, прост. *Колобродить* ‘шататься без дела, мешать всем’, в качестве компонента внутренней формы присутствует во фразеологизмах *нести околесицу*, *идти окольными путями* (ЭССЯ). Сгруппированные в единое словообразовательное гнездо с одинаковой внутренней формой, «прозрачной» для носителей славянских языков из-за наличия в их языке лексемы, являющейся ее мотиватором, эти лексемы легко запоминаются при изучении русского языка славянами.

Таким образом, являясь средоточием этимологической памяти слова, «меткой» первоначального концептуального осмысления его, хранителем изначального представления о нем, формой репрезентации когнитивного содержания, внутренняя форма вместе с тем служит и ассоциативным «мостиком», помогающим запоминанию слова. Выступая в виде определенного образа, она манифестирует особенности национального «видения» предмета или ситуации, что обуславливает не только её лингвокультурное, но и лингводидактическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1954.
2. Воронкова О. А. Внутренняя форма фраземы как лингвокогнитивная категория (на материале русского языка). дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010.
3. Гумбольдт В. От антропологии к лингвистике // Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985.
4. Маркова Е. М. Внутренняя форма слова и фразеологизма: когнитивный, лингвокультурный и лингводидактический аспекты при изучении русского языка в инославянской аудитории. Русский язык за рубежом. 2011. № 5. С. 68–74.
5. Маркова Е. М. Лингводидактическое значение образной основы номинации в славянской аудитории // Мир русского слова. 2022. № 1. С. 12–21.
6. Маркова Е. М., Квапил Р. Особенности обучения русскому языку в близкородственной словацкой среде. Русистика. 2021. 19 (2): 191–207. <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>
7. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

СЛОВАРИ

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., вых. с 1974.

SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha: Academia, 2003.

SSJ – Slovník slovenského jazyka. Bratislava: VEDA. 1987.